

старшая эдда

ПЕСНИ О БОГАХ

В ПЕРЕСКАЗЕ

Ильи Бояшова

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАТРИЦА

Санкт-Петербург

*Светлой памяти
М. И. Стеблина-Каменского*

КРАТКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕСКАЗЧИКА

Сразу замечу: ознакомить читателя, не имеющего представления о древнескандинавской мифологии (а именно на такого читателя и рассчитана эта книга), с выдающимся памятником северных сказаний «Старшей Эддой» – крайне трудная задача. Ведь в отличие от других эпосов «Старшая Эдда» представляет собой разрозненные куски текста, которые ничего не скажут впервые открывшему её человеку. Песни «Эдды» зачастую обрывочны, иногда в них отсутствует логическая связь, местами они «зашифрованы» и совершенно непонятны нашему современнику, если, конечно, он не является специалистом в области эддической поэзии и скандинавской истории.

И тем не менее, наверное, не случайно, что именно из этой трудной в прочтении и понимании, небольшой

по объёму книги, словно из крохотного семени, на радость всем любителям историй про эльфов, троллей, орков и гномов выросло впоследствии пышное дерево западноевропейской фантастической литературы. «Эдда» незримо присутствует и в сказках Ганса Христиана Андерсена, и в гигантской эпопее Толкина, в которой явно просматриваются все элементы древнескандинавских мифов, записанных десять веков назад неизвестными авторами эддических песен. Судя по увеличивающемуся с каждым годом объёму подобного «фэнтези», «Старшая Эдда», пожалуй, единственный в мире эпос, оказывающий столь огромное влияние на сегодняшнее творчество в области живописи, литературы, мультипликации и кинематографии. Вот почему, на мой взгляд, с «Эддой» обязательно нужно соприкоснуться не только тем, кто любит сказки, но и тем, кто хочет ознакомиться с одним из важнейших истоков современного западноевропейского искусства, – хотя бы потому, что «Эдда», наряду с исландскими сагами, является безупречным образцом литературного текста, которому, пожалуй, могли бы позавидовать и Борхес, и Хемингуэй.

Мир викингов, в котором создавалась и записывалась «Эдда» (IV–XII вв.), был чрезвычайно жесток и бескомпромиссен. То было время завоеваний, кровопролитий и самого беззастенчивого грабежа. Остаётся лишь удивляться тому, что именно в этой реальности, где, казалось бы, нет места ничему святому, на родине беспощадных морских разбойников, зародилось напитанное, словно губка, метафорами, столь образное и поэтичное сказание.

В «Эдде» скупое и суровое повествование о богах и людях самым удивительным образом соседствует с художественной выразительностью и красотой поэтического высказывания, а что касается фантазии древних скандинавов, она и вовсе поражает своей безграничностью: чего только стоит созданное ею вселенское дерево Иггдрасиль, на ветвях и в корнях которого расположились, соприкасаясь друг с другом, государства альвов, асов, великанов, людей и карликов. Волшебные посохи, удивительный молот, Железные Рукавицы, золотые ожерелья, радужный мост, восьминогий конь, змеи, драконы, ведьмы, страна мёртвых, Мировая Бездна, пирующие в Вальхалле воины, воинственные валькирии, мудрые вороны, кровожадные волки, мужественное противостояние героев их собственной трагической судьбе – всё это реалии «Старшей Эдды», в которой почти что евангельское пророчество о конце света заканчивается провозвестием нового, справедливого бытия.

Бессмертный эпос древних скандинавов состоит из двух частей: «Песни о богах» и «Песни о героях». И если в «Песнях о богах» торжествует именно былинное, мифологическое начало, то некоторые «Песни о героях», несмотря на всю свою фантастичность, имеют чёткую историческую подоплёку, что роднит их с исландскими сагами, то есть подробными описаниями тех событий, которые происходили в действительности. Кроме того, «Песни о героях» самым непосредственным образом перекликаются с древнегерманским эпосом, прародителем самой «Эдды»,

повествующем о знаменитом кольце Нибелунгов, и включают в себя тех же персонажей и те же истории. Так как германский эпос о Нибелунгах выходит в этой серии отдельной книгой, я решил ограничить знакомство читателя с «Эддой», предложив свой пересказ её первой части – пожалуй, самой познавательной и интересной с художественной точки зрения.

Ещё раз признаюсь: задача была крайне трудной. Все мы с детства помним, как с увлечением из раскиданных кубиков, на которых были наклеены разрозненные части изображения, собирали целостную картинку (подобным делом занимаются любители составлять пазлы). Песни «Эдды» для меня оказались теми самыми «раскиданными кубиками». Для того чтобы читатель, впервые соприкоснувшийся с эпосом скандинавов, увидел целостную картину, «кубики» необходимо было собрать в нужном порядке. Но так как несколько необходимых для этого «кубиков» в «Эдде» попросту отсутствуют (я уже упоминал о том, что в некоторых местах песен логическая связь прерывается, из-за того что связующие звенья безвозвратно утрачены), пришлось «создавать мостики», то есть включать собственное воображение. Утешался я тем, что в любой эпос пересказчик может привносить собственное видение той или иной его части, ибо любая легенда («Эдда» не исключение) – продукт прежде всего коллективного творчества. Кроме того, при составлении «пазлов» я нередко прибегал к подсказке, которую давала мне «Младшая Эдда» Снорри Стурлусона – ещё одна удивительная

книга, повествующая о скандинавских богах, – тем более что «Младшая Эдда» по сей день является единственным источником мифов, лишь вскользь упомянутых в «Старшей Эдде» и более нигде не сохранившихся.

Надеюсь, знатоки скандинавской мифологии простят меня за вольности в моём пересказе и за отход от канонического текста. Главная цель, которую я ставил перед собой, состоит прежде всего в том, чтобы заинтересовать впервые столкнувшегося с «Эддой» читателя её бессмертными песнями, привить ему любовь к этому удивительному памятнику человеческой фантазии, заразить его приключениями великанов, богов и людей. А дальше, если заинтересовавшись, читатель сам начнёт штудировать первоисточник, ознакомится с трудами специалистов, вникнет во все сложности эддической и скальдической поэзии, состоящей из крайне запутанных и не до конца расшифрованных кеннингов, пусть тогда он и решает, где я прав, а где нет, – главное уже будет сделано.

С уважением к тем, кто откроет эту книгу,

Илья Бояшов

I
ПРОРИЦАНИЕ
ВЁЛЬВЫ

Седобородый бог Один, именуемый людьми и другими богами Высоким, на своём коне, быстроходном Слейпнире, отправился в Хель – царство мёртвых – к Вёльве-колдунье узнать, каково будет его, Одина, будущее, равно как и будущее всех людей и богов.

По дороге встретил он пса, бежавшего из Хель: у пса была грудь в крови. Долго лаял пёс на Одина – то был недобрый знак. Тронул поводья Один и отправился дальше, к мрачной долине, к Чертогу Смерти. На восток от его ворот повернул Высокий коня туда, где, как он ведал, была могила вещуньи. Подъехав к могиле и сотворив заклинания, добился Один того, что восстала Вёльва. Поведя мёртвыми очами, ведьма спросила:

– Что за воин повелел мне встать из гроба? Заносил меня снег, дождь мочил, покрывала меня роса. Сто лет я уже мертва.

Ответил Седобородый:

– Имя мне – Один. Я приехал спросить о том, что грядёт. Вот тебе от меня дары. Расскажи о конце богов!

Долго думала ведьма, а затем согласно кивнула. Высокий дал ей ожерелья и кольца – всё, что пожелала старуха, – и приготовился выслушать. И вот что поведала Вэльва богу викингов:

В самом начале времён
Земли ещё не существовало.
Не было ни травы, ни неба, ни звёзд,
Ни песка, ни моря.

Высокий не удивился тому, ибо не хуже колдуньи знал: не было на заре времён ни травы, ни неба, ни песка, ни моря, ни звёзд – один лишь Тёмный Мир существовал в то время, и откуда произошёл тот Мир – неведомо даже Вэльве. В середине же Тёмного Мира бил струями поток Кипящий Котёл, из которого вытекает и поныне множество рек. Затем на юге возникла страна – имя ей Муспелль, или страна огня: там всё горит и пылает (в той стране поселился впоследствии Сурт – великан, в руке которого змеится огненный меч, – на краю той страны по сей день точит Сурт зубы на Одина и его удачливых родичей, но до поры до времени затаился). Знал Высокий

и о том, что когда ядовитые реки Тёмного Мира удалились от своего истока, то превратились в лёд. Яд из них выступил росой на льду, затем оказался инеем, и заполнил иней, слой за слоем, всю Мировую Бездну. На севере Бездны всё было в инеистом плену, а на южной границе, куда долетали искры из Муспелля, царили дожди и ветры. И если из Тёмного Мира стеною надвигался холод, то страна огня отвечала жаром.

Спела старуха, обратив свой взор внутрь себя:

Был рождён Имир,
Отец великанов, покрытых инеем.
Лёд Тьмы породил Имира,
От того и пошла его жестокость
И жестокость его детей.

И Высокий не удивился тому, ибо знал: столкнувшись с жаром, иней стал таять: на месте соприкосновения инея и огня был сотворён великан. Прозвали его Имир. Из растаявшего льда вслед за Имиром появилась корова Аудумла, из вымени которой потекли четыре молочные реки. Корова вскормила этим молоком великана. Увы, исполин был злобен, как волк. Однажды, заснув, он вспотел, и под левой рукой, плотно прижатой к подмышке, от горячего пота у него родились сын и дочь. Когда же одна нога Имира потёрлась о другую, от трения зародились у него ещё сыновья – чудовищные, нравом похожие на отца. Так стал Имир праодителем инеистых великанов, длинные

волосы и бороды которых настолько густо покрыты инеем, что кажутся белыми. Ярость и ненависть к миру богов переполняют их, и в борьбе с ними не знает Высокий ни сна, ни отдыха.

Что касается Аудумлы, то, чтобы утолить свой голод, лизала она солёные камни. На исходе первого дня на валуне, который полизала корова, сквозь плёнку соли проросли человеческие волосы. Когда она полизала камень на второй день, то к вечеру валун превратился в человеческую голову. Стоило ей на третий день слизать соль уже с человеческой головы, как возник человек: статный и красивый. И назвали его Бури. Впоследствии от Бури родился Бор, муж не менее статный, с правильными чертами лица. Бор взял себе в жёны Бестлу – плодovitую дочь великана Бёльторна – и вскоре стал отцом Высокого. Кроме Высокого, великанша родила Бору ещё двух сыновей: Вили и Ве. Старшим над собою Вили и Ве признали Одина. Имир и порождённое им племя инеистых великанов принялись чинить сыновьям Бора великие беды, отчего те решили убить прародителя зла. Посреди первобытного хаоса схватились братья с Имиром и одолели его. Из ран злодея вытекло столько крови, что в ней потонуло великое множество великанов. Остались жить лишь единицы, которые скрылись в Нифльхейме – стране холода.

Спела Вёльва, напоминая о том времени:

Помню: ещё до того, как родилась земля,
В гроб положили Бергельмира.

Высокий кивнул. Великан по имени Бергельмир, что значит «ревуший словно медведь», со всей своей семьёй укрылся высоко в горах, в одной из пещер, и спасся, создав новое племя исполинов, которых называли ётунами, или турсами. После смерти Бергельмира его сыновья, поселившиеся в стране ётунов – Ётунхейме, – взялись угрожать трём братьям, и война богов с турсами и инеистыми великанами сделалась бесконечной. Что же касается Имира, то, поднатужившись, Высокий, Вили и Ве сбросили мёртвое тело врага в глубину Мировой Бездны. Из развалившейся плоти исполина была создана земля, из костей его образовались великие горы, а валуны и камни произошли от раскрошившихся после падения зубов. Из волос поверженного выросли обширные и густые леса. Кровь убитого стала океаном. Подняли Высокий, Вили и Ве огромный череп Имира и создали из него небосвод. А мозг его разбрызгали по небу, и получились облака.

Но на сотворённом ими небе ещё не было никакого порядка. Спела старуха:

Солнце не знало ещё,
Что ему делать и где обрести пристанище,
Звёзды не сияли,
Месяц не светил.

Высокий кивнул: он помнил и это! Жил на свете великан Нарви. Дочь Нарви, сумрачную от рождения, прозвали Ночью. Три раза выходила она замуж. В третий раз

вышла Ночь за бога Деллинга и родила ему сына, которого называли Днём. И тогда Высокий позвал Ночь и её сына, дал им двух коней и две колесницы и послал на небо с указанием раз в сутки объезжать всю землю. С тех пор всегда впереди едет Ночь. Её жеребца зовут Хримфакси, или Инеистая Грива: каждое утро на землю падает пена с его удила. Конь Дня зовётся Скинфакси, или Ясная Грива, так как сияние его гривы озаряет землю и воздух.

Поначалу ночью было очень темно. Тогда Один, Вили и Ве принялись ловить искры, долетающие из страны огня, помещая их на небосвод. Пойманных искр оказалось великое множество: вот почему загорелось и великое множество звёзд. Однако не доставало на небе двух самых ярких светил. Боги исправили это так: жил в те времена великан Мундильфари; дочь его звали Соль, что значит «солнце», а сына – Мани, что значит «месяц». Гордыня дочери великана дошла до того, что она осмелилась отвергнуть самого Одина, посчитав, что Высокий для неё не слишком красив. Сын великана Мундильфари тоже не отличался скромностью. Разгневанный Один выкрал тех детей и заставил их ездить на колесницах по небу: Солнце – днём, а Месяц – ночью. Коней Солнца зовут Ранний и Проворный: под их дугами Один повесил по кузнечному меху, чтобы была им прохлада. С тех пор быстро несётся по небу на колеснице Солнце, а всё оттого, что нагоняет её преследователь – волк по имени Обман. Имя же другого волка, который, находясь впереди Солнца, бежит за Месяцем, – Ненавистник, и Солнце всегда видит его серую

спину. Волки эти были порождены одной злобной великаншей и до скончания века бегут за светилами, стараясь их проглотить.

Что же касается времён года, то Лето породил бог Сва-суд, или Ласковый, который приятен нравом и ведёт безмятежное существование, а отца Зимы, напротив, зовут Виндсвалем, то есть Холодным, – этот бог жестокосерден и мрачен.

Что касается людей, то однажды шли сыновья Бора берегом океана и увидели два дерева – иву и ясень. Срубили они те деревья, вдохнули в них душу и сотворили из них людей. Затем, посоветовавшись, назвали мужчину Ясенем, а женщину – Ивой. И дали им одежду – так пошёл род людской.

Что касается богов – асов и ванов, – то появились асы и ваны ещё в незапамятные времена. Многие из них произошли от союзов Одина с богинями и великаншами, а некоторые ведут свой род от ётунов. Один, сын Бора и Бестлы, всех их знатнее и старше и по праву носит имя Всеотца. Как ни могущественны другие боги, все они перед ним словно дети перед отцом. Один известен и под многими другими именами: Отец Всех Павших, Бог Всех Повешенных, Бог Богов, Бог Ноши, Создатель Рун, Седобородый, Хитрый, Уверенный, Мудрый, Коварный, Многоликий, Воинственный. Он взял себе в жёны богиню Фригг, о которой речь ещё впереди.

Первым сыном Высокого от союза его с великаншей по имени Земля стал самый могучий ас, в бесстрашии

способный соревноваться с отцом, а по силе своей превосходящий всех других асов. Всеотец назвал его Тором, или Громом. Имел Тор рыжие волосы – видно, во время зачатия аса на его мать упал солнечный луч. Называли Тора ещё Страхом Исполинов – никого так не боялись ётуны и инеистые великаны, как самого страшного своего противника, готового без устали вступать с ними в схватку. И не было им от первенца Одина никакой пощады: постоянно находился он в походах, смело наведываясь в Нифльхейм и Ётунхейм, пересекая вброд реки и перемахивая через самые скалистые горы. Многих великанов Тор отправил к богине смерти, поражая их мечом и проламывая им головы огромными камнями. Когда Тор хохотал, то смех его был подобен горному обвалу, когда же сердился – от его рыка шатались самые крепкие скалы. В ярости он способен был сотрясти само небо, но впадал в неистовство только при виде чудовищ. Что же касается людей, ас редко сердился на них, снисходительно относился к людским слабостям и старался оберегать женщин и детей.

У Тора была повозка, запряжённая двумя козлами. Имя одного из козлов – Скрежещущий Зубами, а другого – Скрипящий Зубами, и когда бог ехал на своей повозке по небу, она вызывала громы и молнии. Проливались следом за громахающей колесницей Тора обильные дожди, вот почему люди побаивались аса, несмотря на то что он являлся им самым надёжным защитником.

Любимец всех богов Бальдр был сыном Одина от жены его Фригг, и никого так не привечал Всеотец, как Бальдра.

Боги признавались: второй сын Высокого лучше всех их, вместе взятых. Бальдр был юн и прекрасен лицом, тело его было совершенно, от него исходило благоухание, и отличался он настолько кротким нравом, что никогда ни на кого не поднимал руку, умел мирить ссорящихся и прекращать даже самые жестокие распри. Не случайно, что сын Бальдра и его любимой жены Нанны – Форсети – имел природную склонность к судейству и боги часто обращались к нему за советом.

Ас по имени Видар, также сын Высокого, уступал в силе разве что Тору и носил толстые башмаки, сделанные из обрезков кожи, которые бросают люди, работая над своей обувью. Видар собственноручно сшил свои башмаки, не побрезговав подобрать те обрезки.

Его брат Вали славился своей способностью метко стрелять из лука и бросать копьё точно в цель. Но более искусным лучником среди богов по праву считался Уль, сын богини Сив, жены Тора, и пасынок Рыжеволосого.

Ещё одним асом был Тюр – смелый воитель, не лишённый ума и обладающий завидным спокойствием, – люди почитали его как мудреца и искали его расположения, так как он помогал побеждать в бою.

Среди богов жил и ас по имени Браги – этот славился красноречием и ораторским пылом. Особенно же Браги оказался искусен в поэзии: не случайно люди называли поэзию его именем, а также нарекали именем аса тех, кто становился настоящим скальдом. Жена Браги, Идун, хранила в своём ларце драгоценные молодильные яблоки. Те

из богов, кто чувствовал приближение старости, непременно наведывались к Идун и отведали волшебного лекарства: тотчас вновь они молодели и на долгое время забывали о сокровище. Относились асы к источнику своего долголетия весьма легкомысленно, и из-за этого чуть было не случилось с ними беды.

Бога по имени Хёд, слепого от рождения, но, как Тор и Видар, чрезвычайно сильного, все асы жалели и уважали.

Бог Хёнир, частый спутник Одина, также пользовался всеобщим уважением: именно он наделил первых людей разумом и пониманием и, кроме того, имел дар прорицания.

Светлый бог Хеймдалль, называемый Белым Асом, родился от девяти дев, которые приходились друг другу родными сёстрами, и звали его ещё Золотозубым, ибо зубы Хеймдалля были сотворены из чистого золота, и стоило лишь улыбнуться богу, всё вокруг освещалось его улыбкой. Будучи прирождённым стражем и обладая даром постоянного бодрствования, Хеймдалль охранял сон асов. Благодаря своему дару, а также храбрости и хладнокровию он не раз спасал богов от нападения великанов. Говорили, что слышит он, как растут травы на земле и шерсть на овцах. О его неподкупности ходили легенды. Благодаря зоркости Хеймдалля асы могли спокойно отдыхать и набираться сил, не держа постоянно подле себя оружия. Белый Ас обладал ещё одной особенностью, которую некоторым богам не лишне было бы у него перенять, а именно: никогда не лукавил и всегда говорил правду, какой бы горькой она ни

оказывалась. Вот почему открыто ненавидел Хеймдалль сына лжи и обмана – аса по имени Локи.

Локи зачали великан Фарбаути и некая Лаувейя. Внешне Локи был очень красив, но с самого детства выказывал злобный нрав и крайнюю мстительность: в коварстве он превзошёл и людей, и асов, даром что в нём текла тёмная кровь ётуна. Не оказалось во всём свете более изворотливого бога, падкого на всякие гадости. Обладая даром двуличия, Локи легко втирался в доверие и к великанам, и к богам, не брезговал иметь дела с самыми мерзостными чудовищами и охотно брался за всякие щекотливые поручения, которые асы с радостью перекалывали на его плечи.

Не было бога, включая самого Всеотца, которого не пытался бы обмануть Локи. Повсюду шнырял он, разнося слухи, нашёптывая на ухо то одному, то другому сплетни, без конца смущал всех своими дерзостями, и большей частью именно из-за его проделок асы часто попадали в скверные истории, выход из которых подсказывал опять-таки Локи. Виноват он был и в похищении Идун. Вот как обстояло дело: однажды Локи путешествовал по миру вместе с Одином и Хёниром. В тот злосчастный вечер боги расположились на ночлег и жарили на костре быка. Они переворачивали его, пропекая со всех сторон, вот только мясо всё не жарилось, а голод нарастал. Время шло, напрасно подбрасывали асы в огонь огромные деревья – они спалили уже целую рощу, но туша по-прежнему оставалась сырой. Наконец, совсем отчаявшись, решили боги бросить бесполезное занятие и лечь спать голодными.

Вдруг с нависавших над ними дубовых ветвей раздался голос. Голос этот принадлежал огромному орлу. Орёл сказал, что мясо изжарится лишь тогда, когда странники решат угостить и его. Высокий пригласил орла разделить с ними трапезу, бык тотчас прожарился, и орёл, махая громадными крыльями, принялся с жадностью клевать мясо, вырывая из туши большие куски. Локи это не понравилось. Он подкрался к птице сзади, схватил палку и что есть силы ударил обжору; но палка намертво приклеилась к спине орла, а другой её конец приклеился к рукам Локи, и её было никак не отодрать. Орёл поднялся в воздух, с ним полетел и кричащий от страха Локи, задевая ногами вершины скал и дерева.

Будучи от природы трусливым, он умолял о пощаде, на что орёл ответил, что не видать Локи свободы, если тот не даст ему клятвы выманить в лес Идун с яблоками. Однако, зная, что клятвы бога лжи немногого стоят, мучитель аса пригрозил: если тот забудет об уговоре, то неизбежно поплатится – орёл его рано или поздно выследит, подхватит когтями, и тогда не будет ему никакой пощады. Локи тотчас согласился; тогда орёл отпустил его, и ас как ни в чём не бывало вернулся к встревоженным спутникам. На вопросы Высокого и Хёнира Локи отвечал, что ему удалось освободиться самому.

В назначенный срок он заманил простодушную Идун в глухую чащу – сделать это королю коварства с его умением нравиться женщинам не составляло труда. Кроме того, Локи поклялся, что нашёл в лесу яблоню с ещё бо-

лее действенными яблоками, и попросил жену Браги прихватить с собой яблочка два-три из заветного ларца для сравнения. Лишь стоило им углубиться в лес, как налетел орёл – на самом деле под обликом гигантской птицы скрывался инеистый великан Тьяцци. Схватив Идун, орёл унёсся с богиней в страну холода.

После исчезновения хранительницы яблок асам пришлось весьма нелегко, ибо не знали они, где она прячет свой ларец. Вскоре принялись боги сидеть и горбиться, лица их покрылись морщинами, а руки уже не могли твёрдо держать мечи. Кто-то из них вспомнил, что видел Идун в последний раз, когда она куда-то шла с Локи. Справедливо подозревая неладное, боги тотчас схватили сына Фарбаути и подвергли допросу, угрожая, что не остановятся перед пытками, если тот будет молчать. Трусость коварного бога дала себя знать и на этот раз: тут же во всём признавшись, Локи поклялся, что готов отправиться в Нифльхейм, если богиня страсти Фрейя одолжит ему соколиные перья для быстрого полёта.

КОНЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА